

DOI: 10.25178/nit.2024.1.17

Статья

Миротворческий потенциал тантрического буддизма в российском социокультурном пространстве

Юлия Ю. Эрендженова

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье анализируется воздействие мировотворческих тантрических практик на социокультурное пространство России. На основе анализа буддийских текстов определено, что суть тантрических практик заключается в познании пустотной природы бытия и обретения абсолютной силы (буддовости) для помощи всем живым существам. Пройдя процесс тантрического посвящения, буддисты практикуют йогу божества, осознают взаимозависимость и развивают сострадание. Тантрическая умиротворяющая огненная пуджа циве джинсег проводится для удаления различных препятствий и созидания всеобщего благополучия. Тантрический ритуал освящения рабнэ и тантрические ритуальные танцы в сознании буддистов запускают процесс гармонизации окружающего пространства.

Тантрическая йога божества в представлениях традиционных российских буддистов (калмыков и бурят) могла способствовать укреплению их отношений с императорской династией России, когда последней приписывали божественную сущность и особую духовную миссию. Свидетельства о постройках буддийских ступ и исполнении ритуального танца Цам доказывают использование миротворческих ресурсов тантрического буддизма в дореволюционной России.

В настоящее время в Калмыкии, Бурятии и Туве, а также в других российских регионах регулярно проводятся массовые тантрические посвящения, преимущественно медитационного божества Калачакры, осуществляются умиротворяющие огненные пуджи, освящаются религиозные объекты, исполняются ритуальные танцы (мистерия Цам, Танец Ваджры, Радостные танцы Кайта). Общая цель этих практик связана с распространением идеалов всемирного блага.

Таким образом, тантрический буддизм можно считать «мягкой силой» в современных условиях развития общества и культуры.

Ключевые слова: тантрический буддизм; миротворческий потенциал; мягкая сила; буддийская этика; тантрическая практика; буддизм в России

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/> «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

Для цитирования:

Эрендженова Ю. Ю. Миротворческий потенциал тантрического буддизма в российском социокультурном пространстве // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 265-275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.17>

Эрендженова Юлия Юрьевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Комплексные буддологические исследования» Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: yulia.er16@gmail.com

ERENDZHENOVA, Yulia Yurievna, Candidate of Philosophy, Leading Research Associate, Laboratory "Comprehensive Buddhist Studies", Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., 358000, Elista, Russian Federation. E-mail: yulia.er16@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5387-9731

Article

Peacemaking potential of Tantric Buddhism in the Russian sociocultural space

Yulia Yu. Erendzhenova

Kalmyk State University, Russian Federation

The article examines the impact of tantric worldview practices on the socio-cultural space of Russia. Based on the analysis of Buddhist texts, it is determined that the essence of tantric practices lies in the realization of the emptiness nature of existence and the attainment of absolute power (Buddhahood) to aid all sentient beings. Following the process of tantric initiation, Buddhists engage in deity yoga, recognize interdependence, and cultivate compassion. The tantric pacifying fire puja of Shiva Jinseg is performed to eliminate various obstacles and promote universal well-being. Tantric consecration rituals for rabne and tantric ritual dances in the awareness of Buddhists initiate the harmonization process of the surrounding space.

Tantric deity yoga, as perceived by traditional Russian Buddhists (Kalmyks and Buryats), could have contributed to strengthening their relations with the imperial dynasty of Russia, to which the latter was attributed divine essence and a special spiritual mission. Evidence of the construction of Buddhist stupas and the performance of the Tsam ritual dance attests to the use of peace-building resources of tantric Buddhism in pre-revolutionary Russia.

Currently, in Kalmykia, Buryatia, Tuva, and other Russian regions, regular mass tantric initiations are conducted, predominantly for the meditational deity Kalachakra. Pacifying fire pujas are performed, religious objects are consecrated, and ritual dances are executed (Tsam mystery, Vajra Dance, Joyful dances of Kaita). The overarching goal of these practices is associated with the dissemination of ideals of global well-being.

Thus, tantric Buddhism can be considered as a “soft power” in contemporary conditions of societal and cultural development.

Keywords: *tantric Buddhism; peacebuilding potential; soft power; Buddhist ethics; tantric practices; Buddhism in Russia*

Financing

The study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No.19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/> «Russia and the Buddhist World in the discourse of Philosophical Oriental Studies».

For citation:

Erendzhenova Yu. Yu. Peacemaking potential of Tantric Buddhism in the Russian sociocultural space. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 265-275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.17>

Введение

Разнообразные социальные, политические конфликты по-прежнему остаются одной из важнейших проблем современного мира. В поисках способов их преодоления исследователи обращают внимание на религиозную этику как «мягкую силу» (*soft power*), предполагающую сотрудничество в противовес насильственным методам принуждения. Буддийская этика, основанная на идеалах сострадания, ненасилия и толерантности, служит основой феномена буддийской дипломатии (Бадмаев, 2021). Более того, А. Агаджанян заметил, что в настоящее время в силу специфики религиозно-философской системы и гибкости буддизм превратился в открытый интеллектуально-духовный ресурс, способный стать «мягкой» альтернативой глобализму (Агаджанян, 2005). Так, эта религия, по-прежнему оставаясь значимой на Востоке, постепенно расширяет свое влияние на Западе.

Исследователи подчеркивают, что интеграция буддизма за пределами восточного региона во многом связана с большой популярностью его тантрической формы (также известны наименования *Тантраяна*, *Ваджраяна*, *Мантраяна*), во второй половине XX в., адаптированной тибетскими эми-

грантами (Аюшеева, 2011). Если обратиться к истории, то тантрический буддизм стал частью западного социокультурного пространства еще с XVII в., когда калмыки вошли в состав Российского государства и расселились на его европейской части территории. Незадолго до этого представители данного монголоязычного народа стали последователями тантрического буддизма вследствие тесных контактов с тибетцами, среди которых доминирует именно это направление буддийской религии. В настоящее время эта форма получила распространение во многих российских крупных городах, включая Москву, Санкт-Петербург, Самару и др. (Уланов, 2009: 71–78; 163). В российских центрах тибетской буддийской традиции совершаются различные практики, включая тантрические ритуалы (Эрендженова, 2021).

Необходимо отметить, что методы Ваджраяны вызывают скепсис по поводу их этического основания. К примеру, исследователи К. Гиллберг и Дж. Далтон в своих работах подчеркнули, что достаточно сложно увидеть в тантрическом праксисе непосредственную связь с традиционно провозглашаемыми в буддизме идеями сострадания и ненасилия (Gillberg, 2006: 77–78; Dalton, 2011: 1–22). Мы уже писали ранее, что внушительные эзотерические ритуалы с поклонением грозным тантрическим божествам при неверной интерпретации в традиционных представлениях буддистов могли привести к обратному эффекту — применению насилия и даже его оправданию (Erendzhenova, 2022).

Из данного противоречия вытекает вопрос о том, можно ли тантрический буддизм считать «мягкой силой», способной быть значимой в современных условиях развития конфликтов. Исходя из поставленной проблематики, целью настоящего исследования является анализ сути тантрических буддийских практик на предмет возможности их применения для миротворчества в социокультурном пространстве, например России. Для достижения поставленной цели необходимо установить хронологию интеграции тантрического буддизма в российское социокультурное пространство, выявить специфику буддийского тантрического праксиса с акцентом на миротворчество и проследить его возможное применение на территории России в истории и современности.

В качестве основных материалов для исследования выбраны две группы источников. К первой группе источников относятся канонические тексты тибетских авторов, поскольку тибетцы в полной мере сохранили буддийскую тантрическую традицию и считаются ее основными популяризаторами. Трактат «Большое руководство к этапам пути мантры»¹ Чже Цонкапы (1357–1419) представляет собой квинтэссенцию тантры для последователей тибетской школы Гелуг, среди которых находятся традиционные российские буддисты. Текст «Системы буддийской тантры. Нерушимый путь тайной мантры»² Джамгон Конгтрула (1813–1899) является одним из основополагающих источников для сторонников тибетских школ Ньингма, Кагью, Сакья, имеющих своих адептов в России в настоящее время. Наряду с каноническими текстами, в работе упоминается произведение калмыцкого буддиста Данбо Ульянова (1844–1913) «Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.»³, представляющего интерес для анализа применения тантрических техник калмыцкими буддистами при взаимоотношениях с российскими правителями.

Вторая группа источников включает публикации интернет-ресурсов о религиозных организациях, опирающихся на тантрическую форму буддизма и действующих на территории России в настоящее время. Содержательному анализу были подвергнуты сайты буддийских монастырей России, а также религиозных организаций, членами которых являются буддисты-неофиты.

Постановка исследовательской проблемы обоснована обращением к методологии межкультурной философии, провозглашающей равенство западных и восточных культур, их равноценность для определения вектора развития современной цивилизации и поиска решений общечеловеческих проблем (Степанянц, 2020). Так, межкультурная философия позволяет рассматривать тантрический буддизм через призму его миротворческого потенциала для преодоления конфликтов в российском обществе.

¹ Цонкапа Чже Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. / пер. А. Кутявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019.

² Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005.

³ Ульянов Д. Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центр. типо-лит., 1913.

В основе методологии исследования лежит социокультурный подход, при котором тантрический буддизм изучается в контексте единства культурных и общественных феноменов в России. Применение диалектического метода дает возможность обратить внимание на тантрический праксис в историческом развитии российского общества. Материалы для исследования изучаются посредством контент-анализа на предмет упоминания в них тантрических практик, имеющих мировоззренческий потенциал.

Интеграция тантрического буддизма в российское социокультурное пространство

Проблема отправления тантрического культа в России в подавляющем большинстве исследований не рассматривается отдельно от истории распространения буддизма и его интеграции в социокультурное пространство. Исходя из имеющихся данных в исследовательских работах, можно представить хронологию интеграции тантрического буддизма в российское социокультурное пространство.

С начала XVII в. на южных рубежах России калмыки развивали свою религиозную традицию, поклоняясь тантрическим божествам и отправляя тантрический культ. В XVIII в. российскими подданными стали буряты, чьи религиозные представления к тому времени во многом были обусловлены тантрическим буддизмом. М. С. Уланов убедительно продемонстрировал, что калмыцкая и бурятская религиозные традиции возникли на основе тибетского (тантрического) буддизма (Уланов, 2009: 71–81).

К тому времени западные мыслители уже имели некоторое представление о тантрическом буддизме тибетцев, однако воспринимали его довольно негативно. Ю. Офферманнс сообщает, что первые иезуитские миссионеры, опубликовав свои отчеты о пребывании в Тибете, спровоцировали полемику в защиту христианских догматов в противовес атеизму, содомии и квиетизму тибетских буддистов (Offermanns, 2005).

При этом в исследовании М. А. Поличетти отмечено, что миссионер Ипполито Дезидери (1684–1733) в своих работах старался убедить современников в обоснованности таких обвинений в отношении тантрического буддизма. Долгое время находясь в Тибете, иезуит смог проникнуть в природу базовых буддийских концептов, понять специфику тантрического культа и изучить особенности буддийской тантрической иконографии (Polichetti, 2018).

Необходимо отметить, что тибетский буддизм положительно влиял на российских буддистов в социокультурном плане. На основе дореволюционных материалов М. С. Уланов и А. А. Андреева пришли к выводу, что в XVIII–XIX вв. буддизм являлся фактором этнической самоидентификации и трансляции национальной культуры для донских калмыков-казаков, проживавших в окружении иноязычного и иноконфессионального населения (Уланов, Андреева, 2021). В одном из недавних исследований Ц. П. Ванчиковой выявлено, что во второй половине XIX в. буддийские монастыри способствовали консолидации калмыков и бурят, их культурному диалогу с представителями соседних стран и народов (Ванчикова, 2023).

Вдохновившись общением с калмыками и знакомством с тибетским буддизмом, российская подданная Елена Блаватская (1831–1891) изучила различные религиозные системы и стала одним из основателей Теософского общества в Нью-Йорке. Известно, что воззрения этого общества включали эзотерические элементы буддизма, что впоследствии оказало влияние на распространение многих оккультных учений на Западе (Уланов, 2009: 137–139).

В XX в. тантрические идеи спровоцировали реформаторское движение бурятов Лубсан-Сандана Цыденова и Бидии Дандарона (там же: 118–119, 126–128, 176). Интересно, что С. П. Нестеркин рассматривает акцент Л.-С. Цыденова на интенсивной тантрической йоге как попытку реформирования буддизма для его адаптации в условиях культуры России (Nesterkin, 2019). В 1944 г. количество последователей тантрического буддизма значительно возросло за счет тувинцев, исповедовавших буддизм тибетского толка с XVIII в., в связи с вхождением Тувы в состав СССР (Монгуш, 2001: 132–134).

В конце XX в. на территории постсоветской России начался процесс возрождения тантрического буддизма среди калмыков, бурят и тувинцев (История буддизма ... , 2011). Наряду с этим интерес к тантрическим практикам среди буддистов-неофитов повлек за собой создание буддийских организаций в Москве, Санкт-Петербурге и других регионах. Е. С. Сафронова пишет, что в современной Рос-

сии превалирует количество традиционных буддистов, которые остаются последователями тибетской школы Гелуг, и в то же время постепенно растет численность сторонников тибетских школ Ньингма, Сакья, Кагью (Сафронова, 2006).

А. С. Колесников поясняет, что распространение тантрического буддизма за пределами буддийского мира обусловлено тем, что в его формировании во многом преуспели последователи тибетских школ Ньингма, Сакья и Кагью, чья тантрическая традиция больше ориентирована на практику, нежели на основательную теоретическую подготовку, как это принято в школе Гелуг (Колесников, 2016). А. М. Разоренова обращает внимание на то, что тантрический буддизм, в особенности в форме «Алмазного пути», оказался довольно адаптивным в условиях секулярного общества (Разоренова, 2020).

Сравнительный анализ форм буддизма на территории России, проведенный М. В. Монгуш, показал, что около 200 буддийских организаций основаны на «западном» направлении буддизма (Монгуш, 2016). Тем не менее, несмотря на предположенную обособленность этого направления от тибето-буддийских прототипов, исследователь признает их ориентацию на тантрический праксис.

Таким образом, следует признать, что тантрический буддизм достаточно широко распространен в социокультурном пространстве России. Между тем в приведенных работах нет четкого обозначения миротворческого потенциала тантрического буддизма и его возможного применения, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Миротворческий потенциал буддийского тантрического праксиса

В текстах тибетских буддистов смысл тантры сводится к высшей цели, а именно достижению состояния Будды. Чже Цонкапа указывает, что становление Буддой предполагает познание пустотной природы бытия и обретение абсолютной силы для спасения всех живых существ. Благодаря тантрическим методам появляется возможность ускорить этот процесс за счет трансформации негативных ментальных установок в позитивные. Поскольку буддийская тантра предполагает лишь изменения на ментальном уровне, то все тантрические образы, включая гневных божеств с военными атрибутами, носят символический характер¹. Джамгон Конгтрул дополняет, что в процессе тантрической практики происходит обретение великого совершенства (тиб. *дзогчен*) посредством «очищения» изначально чистого сознания, которое воспринимает всю окружающую действительность такой же чистой².

Учитывая альтруистическую направленность и символизм буддийской тантры, можно признать все ее методы созидательными и гуманными. Однако, в буддийских текстах можно выделить несколько практик, которые прямо или косвенно демонстрируют миротворческую направленность тантры. Среди них йога божества, умиротворяющая огненная пуджа *циве джинсег*, ритуал освящения религиозных объектов *рабнэ*, ритуальные танцы.

Чже Цонкапа и Джамгон Конгтрул соглашаются, что любая тантрическая практика начинается с обязательного ритуала инициации, когда адепт получает право не только лицезреть медитационное божество (тиб. *идам*), но и самоотождествляться с ним для осознания взаимозависимости и развития сострадания³. К. Л. Цомо поясняет, что самообожествление, называемое йогой божества, является «искусным средством» буддистов для очищения собственного сознания от омрачений и преобразования ментального отражения окружающей действительности (Tsomo, 2018).

¹ Цонкапа Чже/ Большое руководство к этапам пути мантры (Наgrim Ченмо): в 3-х т. Т. I. / пер. А. Кутявичуса. СПб. : Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 51–57; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 75–77.

² Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 349–350.

³ Цонкапа Чже/ Большое руководство к этапам пути мантры (Наgrim Ченмо): в 3-х т. Т. I. / пер. А. Кутявичуса. СПб. : Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 103–104; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado : Snow Lion Publ., 2005. P. 116–118.

В текстах объясняется, что умиротворяющая огненная пуджа (тиб. *щиве джинсег*) входит в один из видов огненных ритуалов, совершаемых по окончании затворничеств и связанных с удалением различных препятствий на духовном пути тантрических буддистов. Считается, что отсутствие трудностей способствует всеобщему благополучию¹. Р. Небески-Войковиц уточняет, что буддийская огненная пуджа представляет собой обряд поклонения божествам-защитникам путем вбрасывания в огонь различных субстанций и сопровождается медитацией на пустотную реальность бытия (Nebesky-Wojkowitz, 1996: 528).

О ритуале освящения религиозных объектов *рабнэ* сказано, что он предназначен для наделения буддийских изображений, статуй, текстов, ступ и других объектов особой силой, способной позитивно влиять на расположенные близ них объекты. Ритуал *рабнэ* относится к локализации божеств мудрости в реальном мире, где они могут быть доступны для любого живого существа, придерживающегося буддийского пути². Миротворческий потенциал *рабнэ* проявляется при освящении буддийских храмов и ступ — монументальных сооружений, символизирующих ум Будды и приносящих пользу всем, кто оказывается поблизости и обходит их по часовой стрелке (Bentor, 1996: 13).

Чже Цонкапа и Джамгон Конгтрул приводят сведения о ритуальном танце, который, как правило, исполняется буддистами во время тантрических посвящений для того, чтобы условно «запустить» процесс гармонизации окружающего пространства³. Наиболее известным и масштабным тантрическим ритуальным танцем является мистерия *Цам*. Мистерия представляет собой театрализованное представление, в котором персонажи в разноцветных масках и костюмах движутся в ритмичном танце. Отождествляя себя с тантрическими божествами, танцоры изрекают нравственные наставления о сострадании ко всем живым существам (Pearlman, 2002: 32).

Таким образом, краткий обзор текстов тибетских буддистов показал, что суть тантрических практик заключается в познании пустотной природы бытия и обретении абсолютной силы (буддовости) для помощи всем живым существам. Пройдя процесс тантрического посвящения, буддисты практикуют йогу божества, осознают взаимозависимость и развивают сострадание. Тантрическая умиротворяющая огненная пуджа *щиве джинсег* проводится для удаления различных препятствий и создания всеобщего благополучия. Тантрический ритуал освящения *рабнэ* и тантрические ритуальные танцы в сознании буддистов запускают процесс гармонизации окружающего пространства.

Миротворческие буддийские тантрические практики на территории России в истории и современности

Выделенные тантрические практики в той или иной степени получили отражение в религиозной традиции российских буддистов. Их обширная культовая система сложилась на основе тантрического пантеона, необходимого для тантрических посвящений и йоги божества. Возможно, что буддисты, не заинтересованные в интенсивной духовной практике, воспринимают *идамов* как субстанциальных божеств, обладающих силой для претворения чаяний верующих. Несмотря на отсутствие явного миротворческого потенциала в самом культе, есть сведения о том, как поклонение тантрическим божествам способствовало развитию буддийской дипломатии.

В бурятском фольклоре сохранились сведения о том, что в 1767 г. буряты объявили Екатерину II воплощением тантрического божества — Белой Тары (Цыремпилов, 2009: 122–123). В 1913 г. калмыцкий буддийский монах Данбо Ульянов опубликовал труд под названием «Предсказание Будды о доме

¹ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. Т. I. / пер. А. Кугявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 336; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 100–101.

² Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. Т. II. / пер. А. Кугявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 375–394; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 277–278.

³ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. Т. II. / пер. А. Кугявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 114–119; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 221.

Романовых...», где обосновал божественное происхождение всех российских правителей с 1613 г. Проанализировав канонические тексты на тибетском языке, Д. Ульянов пришел к выводу, что Будда Шакьямуни и известный тантрический мастер Гуру Падмасамбхава (8 в.) предрекли рождение Михаила Федоровича Романова и его восхождение на российский престол. Более того, калмыцкий буддист сопоставил Россию с мифической страной Шамбалой и объявил о ее особой миссии в дальнейшем развитии буддизма¹.

Оба случая приписывания российским правителям божественной сущности могут быть примерами того, как религиозные представления калмыков и бурят помогали им выстраивать конструктивные отношения с правящей династией.

В связи с упоминанием Шамбалы следует отметить, что эта мифическая страна имеет ключевое значение для тантристов, практикующих йогу божества Калачакры (Стрелков, 2008). Эта тантра акцентирует внимание на том, что внутренние изменения адепта влекут за собой трансформации макрокосмоса. Калачакра является также крайне популярным среди российских буддистов, поскольку обосновывает используемую ими астрологию. В Бурятии в 1878 г. была основана специализированная школа Дуйнхор, где осуществлялась соответствующая йога божества, проводились ритуалы и астрологические расчеты (Жамсуева, Лувсан, 2019).

Свидетельством широкого распространения учения Калачакры среди калмыков служат печати калмыцких правителей, выполненных с изображением монограммы, состоящей из слогов мантры Калачакры. Считалось, что данный сакральный знак способствовал преобразованию всего в благое и благоприятное (Митруев, Гедеева, 2021).

Буддийские тантристы продолжают проводить ритуалы инициации ради блага всех живых существ в современности. Во второй половине XX в. духовный глава тибетского буддизма Его Святейшество Далай-лама XIV стал проводить массовые тантрические посвящения Калачакры (Аюшеева, 2011: 78–79). Вследствие этого появились даже специализированные ретритные центры для тантрической практики Калачакры².

Последователи разных школ тибетского буддизма в мире проводят массовые посвящения и затворничества. К примеру, в Париже один из иерархов тибетской буддийской традиции Сакья даровал тантрическое посвящение махасиддхи Тангтонга Гьялпо во время крупномасштабного молебна во имя всеобщего мира и счастья³. Сторонники школы Кагью занимаются углубленными тантрическими практиками во время длительных затворничеств (вплоть до трех лет и трех месяцев) (Леонтьева, 2018). Интересно, что тибетские буддийские учителя проводят тантрические посвящения и в интернет-пространстве как в режиме трансляции, так и в режиме просмотра записи в любое время (Дондуков, Дондукова, 2021: 151–153).

По поводу применения тантрической умиротворяющей огненной пуджи *щиве джинсег* в истории российских буддистов нет достоверных свидетельств. В полевых заметках П. Небольсина сообщается, что в XIX в. калмыки ежегодно совершали обряд *гал тьялгн* (с калм. 'жертвоприношение огню'), заключающийся в сожжении части туши барана на костре для выражения признательности огню и солнцу⁴. Судя по описанию ритуала, скорее всего его природа и регламент продиктованы добуддийскими верованиями, поэтому нельзя однозначно соотносить его с буддийской огненной пуджей.

Между тем, в современной Калмыкии монашеская община ежегодно проводит именно тантрический ритуал *щиве джинсег* для того, чтобы устранить препятствия на пути к просветлению и создать условия для всеобщего благоденствия⁵. В Бурятии умиротворяющая огненная пуджа включена в

¹ Ульянов Д. Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центр. типо-лит., 1913. С. 84–93.

² Bienvenue au Centre Kalachakra [Электронный ресурс] // Centre Kalachakra. URL: <https://centre-kalachakra.com/> (дата обращения: 15.06.2023).

³ Second European Sakya Monlam for Universal Peace & Happiness Concludes in Paris [Электронный ресурс] // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/second-european-sakya-monlam-for-universal-peace-happiness-concludes-in-paris/> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852. С. 125–126.

⁵ Еще Лодой Ринпоче возглавит ежегодные тантрические ритуалы в Центральном хуруле Калмыкии [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет. 2022, 9 сентября. URL: <http://savetibet.ru/2022/09/09/tantric-rituals-in-kalmykia.html> (дата обращения: 13.06.2023).

ежемесячное расписание главного буддийского храма¹. По традиции тувинцы также регулярно проводят огненные пуджи, одну из которых возглавил известный в тибетском буддизме тантрический мастер Тацак Кунделинг Ринпоче².

В исследовательской литературе нет точных сведений и о проведении ритуалов *рабнэ* в России в дореволюционное время, однако косвенно об этом свидетельствует большое количество буддийских монастырей и ступ, ставших сакральными объектами (Бакаева и др., 2015: 10–13; Буддизм в ... , 2014: 202). Наделение этих объектов особой силой через ритуал *рабнэ* может послужить одним из аргументов при объяснении феномена массового паломничества к ним среди российских буддистов, представленного в работах отечественных исследователей (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020; Очирова и др., 2021).

С начала периода возрождения буддизма в российских регионах возводятся храмы со всей необходимой атрибутикой, что, соответственно, требует проведения ритуалов *рабнэ*. Так, например, в апреле 2023 г. в Туве состоялся тантрический ритуал освящения главного храма «Тубтен Шедруб Линг», приобретшего статус самого большого буддийского монастыря в России³.

Ритуал *рабнэ* стал частой практикой и в европейских странах в связи со строительством буддийских ступ. Как правило, они возводятся членами буддийских организаций исключительно в религиозных целях. Однако, со временем основанный на рационализме европейский прагматизм вносит соответствующие ему корректировки в функциональное значение буддийских ступ. К примеру, построенная в рамках проекта «Garden of Human Rights» («Сад человеческих прав») буддийская ступа в бременском Парке Рододендронов (Германия), является не столько объектом религиозного поклонения, сколько служит символом религиозной свободы и межконфессионального диалога (Seegers, 2017).

Применение тантрических ритуальных танцев подтверждается сведениями о том, что с XIX в. на территории России на постоянной основе исполняется мистерия *Цам* в разных буддийских храмах (Жамсуева, Лувсан, 2019). Эта традиция сохраняется в современности как в Бурятии⁴, так и в Калмыкии⁵ и Туве. Так, театрализованное представление мистерии *Цам* стало частью программы торжественного открытия главного тувинского буддийского храма «Тубтен Шедруб Линг»⁶.

С 1990-х гг. в России популярными стали особые тантрические танцы, связанные с практикой *дзогчен*, Танец Ваджры⁷ и Радостные танцы Кайта⁸. Главным идейным вдохновителем к практике *дзогчен* стал тибетский наставник Чогьял Намкай Норбу Ринпоче (1938–2018). Он же, будучи признанным эзотерическим мастером, разработал инструкции по исполнению танцев. В начале изготавливается тканевое панно с изображением пятицветной мандалы из концентрических кругов и треугольников. Затем на этом панно последователи Чогьяла Намкай Норбу Ринпоче в ритуальных костюмах совершают ритмичные движения под звучание священных мантр. Замысел заключается в том, что через цвет, движение и звук тантристы обретают гармонию со своей истинной природой и тем самым развивают сострадание, способствуют достижению всеобщего счастья.

Вышеизложенные аргументы в определенной степени доказывают, что в представлениях буддистов тантрические методы применяются для созидания и гармонии, что получило отражение в социокультурной истории России.

¹ Расписание хуралов — Жуд дуган [Электронный ресурс] // Иволгинский дацан. URL: <https://ivolgdatsan.ru/about/hurals/zud-dugan/> (дата обращения: 13.06.2023).

² Ритуал Чензириг (Огненная пуджа) [Электронный ресурс] // Агентство по делам национальностей Республики Тыва. URL: <http://нацполитика-тыва.рф/ritual-chenzirig-ognennaya-pudzha/> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Церемония открытия буддийского монастыря «Тубтен Шедруб Линг» в Республике Тыва [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xQIYbit6Fzw> (дата обращения: 19.06.2023)

⁴ Мистерия Цам состоялась в улан-удэнском Дуйнхор дацане [Электронный ресурс] // Буряад Унэн. URL: <https://burunen.ru/news/society/56762-misteriya-tsam-sostoyalas-v-ulan-udenskom-duynkhor-datsane/> (дата обращения: 19.06.2023).

⁵ Мистерия Цам в Элисте [Электронный ресурс] // Kalmykia-online. URL: <http://kalmykia-online.ru/multimedia/photo/8700> (дата обращения: 19.06.2023).

⁶ Церемония открытия буддийского монастыря «Тубтен Шедруб Линг» в Республике Тыва [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xQIYbit6Fzw> (дата обращения: 19.06.2023).

⁷ Танец Ваджры [Электронный ресурс] // Московская Дзогчен община Ринченлинг. URL: <https://rinchenling.ru/uchenie/dance-of-vajra/> (accessed: 19.06.2023).

⁸ Радостные танца Кайта [Электронный ресурс] // Московская Дзогчен община Ринченлинг. URL: <https://rinchenling.ru/uchenie/khaita-joyful-dances/> (дата обращения: 19.06.2023).

Заключение

Таким образом, можно заключить, что тантрический буддизм, обосновавшийся в пределах российского социокультурного пространства как в прошлом, так и в современности, можно считать «мягкой силой», способной быть значимой в современных условиях развития общества и культуры. Тантрическими практиками, применяемыми для миротворчества, можно считать тантрические посвящения и йогу божества, умиротворяющую огненную пуджу, ритуалы освящения *рабнэ* и тантрические танцы. В соответствии с сущностным содержанием буддийской тантры, тантрические посвящения и йога божества побуждают к «чистому» видению окружающего мира и развитию сострадания. Умиротворяющая огненная пуджа, ритуалы освящения *рабнэ* и тантрические танцы исполняются с целью гармонизации пространства и достижения всеобщего блага. Сделанные выводы могут быть приняты во внимание при дальнейшем изучении миротворческого потенциала буддизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян, А. (2005) Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии / ред. А. Малашенко, С. Филатов. М. : Неостром. 343 с. С. 222–255.
- Аюшеева, Д. В. (2011) Основные особенности и тенденции распространения тибетского буддизма на Западе // Религиоведение. № 4. С. 74–80.
- Бадмаев, В. Н. (2021) Буддийская дипломатия: идеи и практика // Вестник Калмыцкого университета. № 1(49). С. 111–117.
- Бакаева, Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц. (2015) Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М. : Восточная литература. 238 с.
- Буддизм в истории и культуре бурят (2014) / ред. И. Гарри. Улан-Удэ : Буряад-Монгол Ном. 417 с.
- Ванчикова, Ц. П. (2023) Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. // Монголоведение. Т. 15. № 1. С. 95–114. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-1-95-114>
- Дондуков, Б. Ц., Дондукова, Г. П. (2021) Буддизм в Интернете: возможности и препятствия // Новые исследования Тувы. № 2. С. 145–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>
- Жамсуева, Д. С., Лувсан, О. (2019) Ритуальный аспект мистерии Цам в бурятских дацанах // Власть. № 3. С. 189–193.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. (2011) / под общ. ред. Н. Г. Очировой. Элиста : Министерство образования, культуры и науки Республики Калмыкия. 392 с.
- Колесников, А. С. (2016) Прошлое и настоящее буддизма Ваджраяны // Буддизм Ваджраяны в России: традиции и новации / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин. Астрахань : Алмазный путь. 700 с. С. 94–103.
- Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>
- Леонтьева, Е. В. (2018) Практика медитационных ретритов в традиции Кагью. Краткий обзор // Буддизм Ваджраяны в России: на перекрестке культур / отв. ред. Е. В. Леонтьева. Красноярск : Алмазный путь. 590 с. С. 80–86.
- Митруев, Б. Л., Гедеева, Д. Б. (2021) Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 4. С. 23–43. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43>
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Монгуш, М. В. (2016) Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. № 1. С. 5–19.
- Очирова, О. А., Антонов, В. И., Бадмаев, В. Н., Пурэвсүрэн, Б., Петрова, А. А. (2021) Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн формату (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>
- Разоронова, А. М. (2020) Особенности адаптации буддизма в секулярном обществе // Буддизм Ваджраяны в России: актуальная история и социокультурная аналитика / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин. СПб. : Алмазный путь. 766 с. С. 367–373.
- Сафронова, Е. С. (2006) Современный буддизм в России на нетрадиционных территориях распространения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 24. № 1–2. С. 175–188.
- Степанянц, М. Т. (2020) Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М. : Восточная литература. 183 с.
- Стрелков, А. М. (2008) Мифическая история и эсхатология учения Калачакра в буддийской легенде о Шамбале // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. № 5. С. 5–19.

- Уланов, М. С. (2009) Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста : Изд-во КалмГУ. 236 с.
- Уланов, М. С., Андреева, А. А. (2021) Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России // Новые исследования Тувы. № 2. С. 100–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.9>
- Цыремпилов, Н. (2009) За святую дхарму и белого царя: российская империя глазами бурятских буддистов XVIII — начала XX веков // *Ab imperio*. № 2. С. 105–130.
- Эрендженова, Ю. Ю. (2021) Российские центры тибетской буддийской традиции: особенности и значение религиозных практик // Новые исследования Тувы. № 2. С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.13>
- Bentor, Y. (1996) *Consecration of images and stupas in Indo-Tibetan Tantric Buddhism*. Leiden ; New York ; Koln : Brill. 415 p.
- Dalton, J. P. (2011) *The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism*. New Haven & London : Yale University Press. 311 p.
- Erendzhenova, Yu.Yu. (2022) Buddhist's Traditional Views on Violence and Non-Violence (On the Example of the Kalmyks of the Russian Empire) // *Bylye Gody*. № 17(4). P. 1596-1604. DOI: <https://doi:10.13187/bg.2022.4.1596>
- Gillberg, C. (2006) Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective // *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*. № 19. P. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.30674/SCRIPTA.67302>
- Nebesky-Wojkowitz, de. R. (1996) *Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities*. Delhi : Book Faith India. 666 p.
- Nesterkin, S. P. (2019) The main trends in the renewal movement of Russian Buddhism in early 20th century // *Sententia: European Journal of Humanities and Social Sciences*. № 1. P. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2019.1.28385>
- Offermanns, J. (2005) Debates on atheism, quietism, and sodomy: the initial reception of Buddhism in Europe // *Journal of Global Buddhism*. № 6. P. 16–35.
- Pearlman, E. (2002) *Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions*. Rochester : Inner Traditions. 200 p.
- Polichetti, M. A. (2018) The Sorrowful Fates of Rebirth: Ippolito Desideri Encounters Tibetan Sacred Art // *Buddhist-Christian Studies*. № 38(1). P. 97–108. DOI: <https://doi:10.1353/bcs.2018.0008>
- Seegers, E. (2017) A Tibetan stupa within the flow of cultural transformations: the opportunities and challenges of transplanting Buddhist architecture from Asia to Europe // *Journal of Asian Humanities at Kyushu University*. № 2. P. 67-84.
- Tsomo, K. L. (2018) Imagining Enlightenment: Icons and Ideology in Vajrayana Buddhist Practice // *Journal of Dharma Studies*. № 1. P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42240-018-0011-7>

Дата поступления: 13.09.2023 г.

Дата принятия: 18.10.2023 г.

REFERENCES

- Agadzhanian, A. (2005) Buddhism in the Modern World: A Soft Alternative to Globalism. In: *Religion and Globalization in Eurasia* / ed. by A. Malashenko, S. Filatov. Moscow, Neostrom. 343 p. Pp. 222–255. (In Russ.).
- Aiusheeva, D. V. (2011) The main features and trends in the spread of Tibetan Buddhism in the West. *Religiovedenie*, no. 4, pp. 74–80. (In Russ.).
- Badmaev, V. N. (2021) Buddhist diplomacy: ideas and practice. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1(49), pp. 111–117. (In Russ.).
- Bakaeva, E. P., Orlova K. V., Khishigt N. and Enkhchimeg, Ts. (2015) *Buddhist tradition in Kalmykia and Western Mongolia: sacred objects*. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura. 238 p. (In Russ.).
- Buddhism in the history and culture of the Buryats* (2014) / ed. by I. Garri. Ulan-Ude, Buriad-Mongol Nom. 417 p. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P. (2023) Buddhism in the Mid-to-Late Nineteenth-Century Russian Empire. *Mongolovedenie*, vol. 15, no. 1, pp. 95–114. (In Russ.). DOI: <https://doi:10.22162/2500-1523-2023-1-95-114>
- Dondukov, B. Ts. and Dondukova, G. P. (2021) Buddhism on the Internet: Opportunities and Obstacles. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 145–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>
- Zhamsueva, D. S. and Luvsan, O. (2019) Ritual aspects of Tsam mystery in the Buryat Datsans. *Vlast'*, no. 3, pp. 189–193. (In Russ.).
- History of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1999* (2011) / ed. by N. G. Ochirova. Elista, Ministry of Education, Culture and Science of the Republic of Kalmykia. 392 p. (In Russ.).
- Kolesnikov, A. S. (2016) The Past and Present of Vajrayana Buddhism. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: traditions and innovations* / ed. by A. M. Alekseev-Apraksin. Astrakhan', Almaznyi put'. 700 p. Pp. 94–103. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Leont'eva, E. V. (2018) The practice of meditation retreats in the Kagyu tradition. Brief review. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: at the crossroads of cultures* / ed. by E. V. Leont'eva. Krasnoiar'sk, Almaznyi put'. 590 p. Pp. 80–86. (In Russ.).

Mitruiev, B. L. and Gedeeva, D. B. (2021) Kalmyk-Tibetan Relations, 17th–18th Centuries: Seals on Kalmyk Official Documents as a Research Source. *Biulleten' Kalmyt'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4, pp. 23–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43>

Mongush, M. V. (2001) *History of Buddhism in Tuva (second half of the 6th — end of the 20th century)*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2016) Traditional and Western Buddhism in Russia: a comparative study. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.).

Ochirova, O. A., Antonov, V. I., Badmaev, V. N., Purevsuren, B. and Petrova, A. A. (2021) Social portrait Buddhist pilgrim of Buryatia: from traditional to online format (based on the results of a sociological study). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 79–91 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.7>

Razorenova, A. M. (2020) Features of the adaptation of Buddhism in a secular society. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: Current History and Sociocultural Analytics* / ed. by A. M. Alekseev-Apraksin. St. Petersburg, Almaznyi put'. 766 p. Pp. 367–373. (In Russ.).

Safronova, E. S. (2006) Modern Buddhism in Russia in non-traditional distribution territories. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 24, no. 1–2, pp. 175–188. (In Russ.).

Stepaniants, M. T. (2020) *Intercultural philosophy: origins, methodology, problems, perspectives*. Moscow, Nauka, Vost. lit. 183 p. (In Russ.).

Strelkov, A. M. (2008) Mythical history and eschatology of the Kalachakra teaching in the Buddhist legend about Shambhala. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 5, pp. 5–19. (In Russ.).

Ulanov, M. S. (2009) *Buddhism in the sociocultural space of Russia*. Elista, KalmSU Publ. 236 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Andreeva, A. A. (2021) Buddhism and the Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 100–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.9>

Tsyrempilov, N. (2009) For the holy Dharma and the white king: the Russian empire through the eyes of Buryat Buddhists of the 18th — early 20th centuries. *Ab imperio*, no. 2, pp. 105–130. (In Russ.).

Erendzhenova, Yu. Yu. (2021) Russian Centers of the Tibetan Buddhist Tradition: Features and Significance of Religious Practices. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 157–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.13>

Bentor, Y. (1996) *Consecration of images and stupas in Indo-Tibetan Tantric Buddhism*. Leiden; New York; Koln, Brill. 415 p.

Dalton, J. P. (2011) *The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism*. New Haven & London: Yale University Press. 311 p.

Erendzhenova, Yu. Yu. (2022) Buddhist's Traditional Views on Violence and Non-Violence (On the Example of the Kalmyks of the Russian Empire). *Bylye Gody*, no. 17(4), pp. 1596–1604. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1596>

Gillberg, C. (2006) Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, no. 19, pp. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.30674/SCRIPTA.67302>

Nebesky-Wojkowitz, de. R. (1996) *Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities*. Delhi, Book Faith India. 666 p.

Nesterkin, S. P. (2019) The main trends in the renewal movement of Russian Buddhism in early 20th century. *Sententia: European Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 1, pp. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2019.1.28385>

Offermanns, J. (2005) Debates on atheism, quietism, and sodomy: the initial reception of Buddhism in Europe. *Journal of Global Buddhism*, no. 6, pp. 16–35.

Pearlman, E. (2002) *Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions*. Rochester, Inner Traditions. 200 p.

Polichetti, M. A. (2018) The Sorrowful Fates of Rebirth: Ippolito Desideri Encounters Tibetan Sacred Art. *Buddhist-Christian Studies*, no. 38(1), pp. 97–108. DOI: <https://doi.org/10.1353/bcs.2018.0008>

Seegers, E. (2017) A Tibetan stupa within the flow of cultural transformations: the opportunities and challenges of transplanting Buddhist architecture from Asia to Europe. *Journal of Asian Humanities at Kyushu University*, no. 2, pp. 67–84.

Tsomo, K. L. (2018) Imagining Enlightenment: Icons and Ideology in Vajrayana Buddhist Practice. *Journal of Dharma Studies*, no. 1, pp. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42240-018-0011-7>

Submission date: 13.09.2023.

Accepted date: 18.10.2023.